

**ПЕРЕДАЧА ПРИ ПЕРЕВОДЕ ОБРАЗНОСТИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ
УСТОЙЧИВЫХ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ**

Р. Е. Шкилёв

**RENDERING IMAGERY IN THE SEMANTIC STRUCTURE
OF STABLE TERMINOLOGICAL WORD COMBINATIONS**

R. E. Shkilev

В статье подвергается рассмотрению специфика передачи переосмысленных устойчивых терминологических словосочетаний юридической терминологии английского и русского языков с помощью составных терминов, не содержащих в семантической структуре образного переосмысления. Учитывая высокую степень интеграции юридической терминологии в общелитературный язык, автор использует для анализа устойчивых терминологических словосочетаний метод сопоставительного анализа, применяемый при описании фразеологических единиц. На конкретных примерах рассматриваются различия словосочетаний в лексической и грамматической структуре. Делается вывод об антропоцентрическом характере образного переосмысления при образовании юридических терминов. Автором показана взаимосвязь между природой составных терминов, содержащих в семантической структуре образное переосмысление и национальными культурами. Результаты анализа позволяют установить сходства и различия соответствующего фрагмента картины мира в сопоставляемых языках. Материал исследования может быть использован на занятиях по сравнительной типологии английского и русского языков, сопоставительной фразеологии, лингвокультурологии, теории и практике перевода, английскому языку для специальных целей.

The article deals with the peculiarities of rendering the meaning of stable terminological word combinations in the translation process with the help of word combinations having no imaginative rethinking in the semantic structure. The research is made on the example of legal terminology in English and Russian. As legal terms are an integral part of the literary language the author resorts to the principles of classification used in Phraseology. The examples given in the paper reveal the difference between the English and Russian word combinations in the lexical and grammatical structure. The conclusion is made that the shifts of meaning in the semantic structure of legal terms have an anthropocentric orientation. The connection between the nature of the semantic shifts in the legal terminology and national cultures is shown. The results of the investigation give an opportunity to examine the features of the corresponding fragment of the linguistic picture of the world. The material of the research can be used at the classes of Comparative Typology of the English and Russian languages, Comparative Phraseology, Linguistic Cultural Studies, Translation Technique and Legal English lessons for Russian speakers.

Ключевые слова: устойчивое терминологическое словосочетание, фразеологическая единица, образность, образное переосмысление, семантический перенос, эквивалентность, юридическая терминология.

Keywords: stable terminological word combination, phraseological unit, imagery, imaginative rethinking, semantic shift, equivalence, legal terminology.

Терминоведение как отрасль науки о языке имеет в отечественной лингвистической науке богатую историю, и к настоящему времени детальные исследования многих англоязычных терминологических систем уже проведены [11, с. 10]. Однако существует целый ряд обстоятельств, позволяющих считать сопоставительное изучение терминологических единиц в разнотипных языках сохраняющим свою актуальность направлением лингвистики. Здесь следует отметить выделение мотивологического терминоведения в самостоятельную область знаний. Проблемы, связанные с мотивологией терминов, затрагиваются в работах Е. А. Штейнгарт [13].

Вторым направлением работы терминоведов является когнитивное терминоведение. За последние годы были опубликованы работы как общего теоретико-методологического (Т. В. Лукоянова), так и прикладного практико-ориентированного характера (Р. Р. Юсупова) [6; 15]. Переосмысленные сочетания в терминологии, обладая с устойчивостью также и образностью, наиболее близки по своим характеристикам к фразеологическим единицам. Подобная близость и даёт, на

наш взгляд, основания использовать при описании типологии устойчивых терминологических словосочетаний (ТСС) принципы классификации, принятые в работах по сопоставительной фразеологии и описанные в Предисловии к «Русско-английскому фразеологическому словарю» Е. Ф. Арсентьевой [2, с. 8].

Деление ТСС на полные и частичные эквиваленты, аналоги (т. е. не совпадающие по образной основе) и безэквивалентные словосочетания уже было использовано нами в предыдущих работах [12]. Данная классификация, как и любая другая, имеет свои недостатки (в частности, трудно чётко разграничить случаи перевода с помощью свободного словосочетания и дескриптивного перевода), но именно она даёт возможность показать высокую степень «фразеологичности» наиболее интегрированных в общелитературный язык терминологических систем.

Данная статья посвящена рассмотрению случаев, когда при переводе с английского языка на русский язык или с русского языка на английский язык образная основа в семантической структуре ТСС не находит какого либо отражения в языке перевода (ПЯ).

Работа является продолжением ранее опубликованного исследования случаев перевода с помощью аналогов [12]. Представим наиболее интересные примеры в виде таблицы.

Словосочетание *part and parcel* («неотъемлемая часть») терминографы рассматривают как ТСС [1,

с. 314]. Одновременно, данное словосочетание является фразеологизмом, в котором второй компонент представляет собой устаревшее слово (букв. «часть и часть»). В словаре Хорнби словосочетание обозначено как идиома [17, p. 841].

Таблица

<i>Английское словосочетание</i>	<i>Перевод на русский язык</i>	<i>Комментарий</i>
<i>civilly dead</i>	лишённый гражданских прав (букв. «граждански мёртвый»)	В русском языке термин представлен трёхкомпонентным словосочетанием, аналогия со смертью отсутствует
<i>to cross the aisle</i>	голосовать против своей партии (букв. «перейти проход между рядами»)	Передача образной основы невозможна в русском языке, т. к. расположение членов партий напротив друг друга характерно для британского парламента
<i>to die seized</i>	Умереть, оставив имущество под арестом (букв. «умереть связанным»)	Использование лексемы <i>seized</i> (по аналогии с <i>dead</i>) позволяет достичь компактности в английском ТСС
<i>slim evidence</i>	несущественное доказательство (букв. «тощее доказательство»)	Грамматическая структура в двух языках совпадает, источником переноса является мир человека
<i>father of the bar</i>	старший барристер (букв. «отец адвокатуры»)	Источник переноса – мир человека
<i>to drop a right</i>	отказаться от права (букв. «ронять/ выпускать из рук право»)	Источник переноса – мир действий и физических состояний, в русском языке глагол «ронять» не используется в юридическом смысле
<i>to find bail</i>	указать поручителя (букв. «найти залог»)	Английский вариант номинирует действие «напрямую», буквально, в русском варианте проявляется тенденции к использованию более «книжного» варианта
<i>slap-the-wrist fine</i>	штраф на месте совершения правонарушения (букв. «штраф поймай за руку»)	Метонимический перенос, основанный на внешнем сходстве, в английском варианте, русский термин основан на разъяснении понятия
<i>fidelity insurance</i>	страхование на случай нарушения обязательства (букв. «страхование верности»)	Источник переноса – мир человеческих отношений, образ не существует в русском языке права
<i>employment (job) freeze</i>	временное увольнение, приостановление действия трудового договора (букв. «замораживание работы»)	В русском языке употребление слова «замораживание» возможно в ряде других терминов, но не в данном случае
<i>left-handed oath</i>	ложная присяга (букв. «присяга, данная левой рукой»)	Различия связаны с обычаем класть правую руку на Библию при даче присяги в суде
<i>bare (nude) pact</i>	соглашение, не снабжённое исковой силой (букв. «голое соглашение»)	Перенос из мира физических состояний позволяет достичь компактности в английском языке
<i>binding law</i>	императивная норма (букв. «связующая норма»)	Словосочетание наглядно демонстрирует большую «удалённость» русской юридической терминологии от общелитературного языка
<i>to meet a claim</i>	оспаривать иск, подготовить возражения против иска (букв. «опровергнуть исковое требование»).	В английском словосочетании находит отражение признак соревновательного характера действия, подразумевающий наличие в судебном разбирательстве двух равноправных сторон

Словосочетание *yellow-dog fund* (фонд взяток, деньги для подкупа, букв. «фонд жёлтой собаки») имеет ярко выраженную отрицательную оценку. Коннотация *собаки* в английском языке транслирует информацию о «нечистоте» этого животного, уходящую корнями в христианскую мифологию (ср. ФЕ *to go to the dogs, to die like a dog etc.*).

Вышеперечисленные примеры наглядно подтверждают, что самой большой группой отобранных нами терминологических единиц являются словосочетания, имеющие соответствия в виде составных терминов, не имеющих в структуре значения образного переосмысления. Семантический перенос оказывает существенное влияние на грамматическую структуру термина: при отсутствии эквивалента/аналога при переводе термин обычно передаётся осложнённым словосочетанием, тогда как его английский вариант является более кратким и занимает меньше пространства в предложении. Среди английских устойчивых ТСС в данной группе преобладают составные термины, образованные по моделям *V + N, Adj. + N, N + (of) + N*. В русском же языке преобладающими являются такие модели, как *Adj. + Adj. + N, V + (V + (Prep.) + N), N + (Prep.) + N + N gen., N + Participial construction (Participle + Adj. + N)*.

В юридической терминологии английского языка присутствуют ТСС, понимание которых не требует наличия фоновых знаний. Например, о значении ТСС *star witness* (букв. «свидетель-звезда»), *to stand mute* (букв. «оставаться немым, ничего не говорить»), *dead use* («мёртвое использование»), *standing rule* («стоячее правило»), *employment (job) freeze* («замораживание работы»), *slim evidence* («слабое, тощее доказательство») можно догадаться, не пользуясь специализированным словарём. Однако какими бы мотивированными ни были для нас английские словосочетания, существующие нормы русского языка исключают возможность использования калькирования.

В юридической терминологии русского языка имеются переосмысленные словосочетания, которым в английском языке соответствуют ТСС, не имеющие в семантической структуре образного переосмысления. В словосочетании «заверить копию» (*to certify a copy*) имеет место метонимическое использование глагола *заверить* («*суверить, убеждая в чём-либо, обещая что-л.*» → «*удостоверить, скрепив подписью, печатью*»). В английском же языке ему соответствует глагол, для которого указанное значение является основным («*to certify – to declare something formally, esp. in writing or a printed document*») [8, с. 199; 18, р. 181].

Проанализируем ТСС «*проводить законы в жизнь*» («*to apply/ to enforce/ execute laws*»). Глагол *проводить* в данном ТСС имеет значение «*добиться осуществления чего-либо*» [7, с. 606]. В английском языке перенос на данной основе не возможен, т. к. соответствующий буквальному значению глагол *to lead* указанного значения не имеет (имеется значение *to lead a life – проводить жизнь*, но не «*в жизнь*») [6, с. 447].

При переводе ТСС «*поддерживать законность и порядок*» («*to maintain law and order*») английский глагол *to maintain* употреблён в своём основном значе-

нии «*to cause smth to continue; to keep smth in existence at the same level, standard etc.*» [18, р. 708]. В русском варианте употребляется слово из общелитературного языка, буквальное значение которого («*не дать упасть*») имеет логическую связь с ситуацией, обозначаемой анализируемым словосочетанием [8, с. 534]. Под *законностью* подразумевается «исполнение законов и иных правовых актов органами государства, гражданами, организациями», в то время как *правопорядок* объясняется как «воплощение законности в конкретных общественных отношениях урегулированных правом» [14, с. 101]. Таким образом, данный пример наглядно показывает национальную специфику правового сознания носителей русского и английского языков.

Рассмотрим словосочетание «*снимать с себя ответственность*» («*to deny one's liability/ responsibility*») (букв. «отрицать ответственность»). В английском языке в отличие от русского языка существует особая лексема (*liability*) для обозначения понятия «юридическая обязанность или обязательство» [16, р. 287]. Русское словосочетание имеет структуру *V + Prep. + Reflexive Pronoun + N*, где глагол употребляется вместе с возвратным местоимением, обозначающим направленность действия на самого субъекта. Буквальное значение русского глагола «*достать, взять, убрать, отделить находящееся сверху, на поверхности или где-либо укрепленное*» позволяет понимать восприятие ответственности носителями русского языка как нечто, принадлежащее субъекту, являющееся его частью. В английском же языке отрицание подразумевает лишь информацию о несоответствии истине [8, с. 7].

Русское ТСС «*принимать поправку*» переводится словосочетанием «*to ratify an amendment*» (букв. «ратифицировать поправку»). Английский глагол снабжён в общезыковом словаре пометой *юр. – юридический термин* [7, с. 642]. В русском языке одновременно существует глагол *ратифицировать* – «*подвергнуть ратификации*», в то время как ратификация означает «*утверждение верховной властью международного договора, заключённого её уполномоченными*» [8, с. 669]. Данные толковых словарей указывают на то, что термин *ратификация* в русском языке имеет отношение к международным договорам [14, с. 316]. В английском языке термин *ratification* может использоваться для обозначения утверждения законодательного акта, в том числе применительно к резолюции собрания акционеров компании [16, р. 407]. Таким образом, можно прийти к выводу о том, что глаголы *ратифицировать/to ratify* являются «ложными друзьями переводчика», т. е. их понятийные значения не совпадают: терминологическое поле английского глагола намного шире. Нормы русского языка указывают на использование в сочетании с существительным *поправка* глагола *принять* («*утвердить голосованием, выразить согласие с чем-либо*») [8, с. 596]. Употребление слова общелитературного языка для номинации сугубо специального понятия можно считать отличительной чертой терминологической системы права русского языка.

Русское словосочетание «*отдавать себя в руки правосудия*» («*to surrender to justice*») (букв. «сдавать

ся правосудию») является примером использования антропоцентрической метафоры в терминологии. Устойчивое выражение «*в руках у правосудия*» имеет значение «*пойман*» [8, с. 686]. Очевидно, что описываемой ситуации (преступник сдаётся властям) в данном словосочетании даётся положительная оценка: в структуре значения присутствует эмотивно-оценочный компонент. Грамматическая структура словосочетания такова, что находящееся за глаголом возвратное местоимение, показывающее обращённость действия на того, кто его совершает, делает субъекта из пассивной жертвы обстоятельств (образно говоря, «загнанного волка») делающим осознанный выбор хозяином собственной судьбы.

В словосочетании «*тяжесть предъявленного обвинения*» (“seriousness of an accusation”) (букв. «серьёзность обвинения») слово *тяжёлый* («имеющий большой вес, отягощающий») употребляется во множестве значений, одним из которых является значение «очень серьёзный, тяжёлый» [8, с. 820]. Понятийное, терминологическое значение слова в данном случае формируется из суммы лексических значений: подоб-

ного рода *обвинение* мучительно и тяжело, неприятно с моральной точки зрения, требует значительных усилий со стороны защиты, доставляет беспокойство и трудности обвиняемому. На наш взгляд, в данном случае можно говорить о наличии экспрессивного компонента в структуре значения русского словосочетания.

Юридическая терминология принадлежит к числу давно сложившихся терминологических систем. Её базовые понятия и категории были сформированы в эпоху становления английского литературного языка в его современном виде. Глубокая история британской судебной системы и стабильность на протяжении веков служат объяснением высокой степени насыщенности терминологии переосмысленными терминами.

Проведённый анализ показал, что перенос образов из мира человека и мира живой природы, имеющий место в английском языке («живой/неживой», «голый» и т. п.), совершенно не характерен для юридической терминологии русского языка.

Литература

1. Андрианов С. Н., Берсон А. С., Никифоров А. С. *Англо-русский юридический словарь*. М.: РУССО, 2000. 512 с.
2. Арсентьева Е. Ф. *Русско-английский фразеологический словарь*. Казань: Хэтер, 1999. 317 с.
3. Борисенко И. И. *Русско-английский юридический словарь*. М.: РУССО, 2000. 608 с.
4. Борисенко И. И. *Новый русско-английский юридический словарь*. М.: РУССО, 2002. 640 с.
5. *Большой русский юридический словарь* / гл. ред. А. Л. Сухарев. М.: Инфра-М, 1998. 790 с.
6. Лукоянова Т. В. Когнитивное терминоведение как одно из направлений современной лингвистики // *Lingua Mobilis*. 2014. № 3. С. 75 – 80.
7. Мюллер В. К. *Новый англо-русский словарь*. М.: Русский язык, 2003. 946 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.
9. *Оксфордский русско-английский словарь* / сост. М. Уилер. М.: Локид, 2002. 920 с.
10. *Толковый юридический словарь: Бизнес и право (русско-английский/ англо-русский)*. М.: Финансы и статистика, 1998. 683 с.
11. Шкилёв Р. Е. Метонимический перенос в устойчивых терминологических словосочетаниях: на примере юридической терминологии в английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2005. 194 с.
12. Шкилёв Р. Е. Перевод устойчивых терминологических словосочетаний с помощью аналогов // *Вестник Чувашского государственного университета*. 2007. № 1. С. 309 – 312.
13. Штейнгарт Е. А. Мотивологическое терминоведение // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2006. № 3. С. 30 – 34.
14. *Юридический энциклопедический словарь*. М.: Совет. энциклопедия, 1984. 415 с.
15. Юсупова Р. Р. Английские и русские термины уголовного права и их концептуальные карты // *Вестник ВЭГУ*. 2013. № 5. С. 157 – 163.
16. *A Dictionary of Law*. Oxford University Press, 2002. 552 p.
17. Hornby A. S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford University Press, 2000. 1537 p.
18. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Essex Longman house, 1995. 1668 p.

Информация об авторе:

Шкилёв Роман Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры основ межкультурных коммуникаций Елабужского института Казанского (Приволжского) федерального университета, schkilef@gmail.com.

Roman E. Shkilev – Candidate of Science in Philology, Assistant Professor of the Department of Cross-Cultural Communication of the Elabuga Institute of Kazan (Volga-Region) Federal University.

Статья поступила в редколлегию 20.07.2015 г.